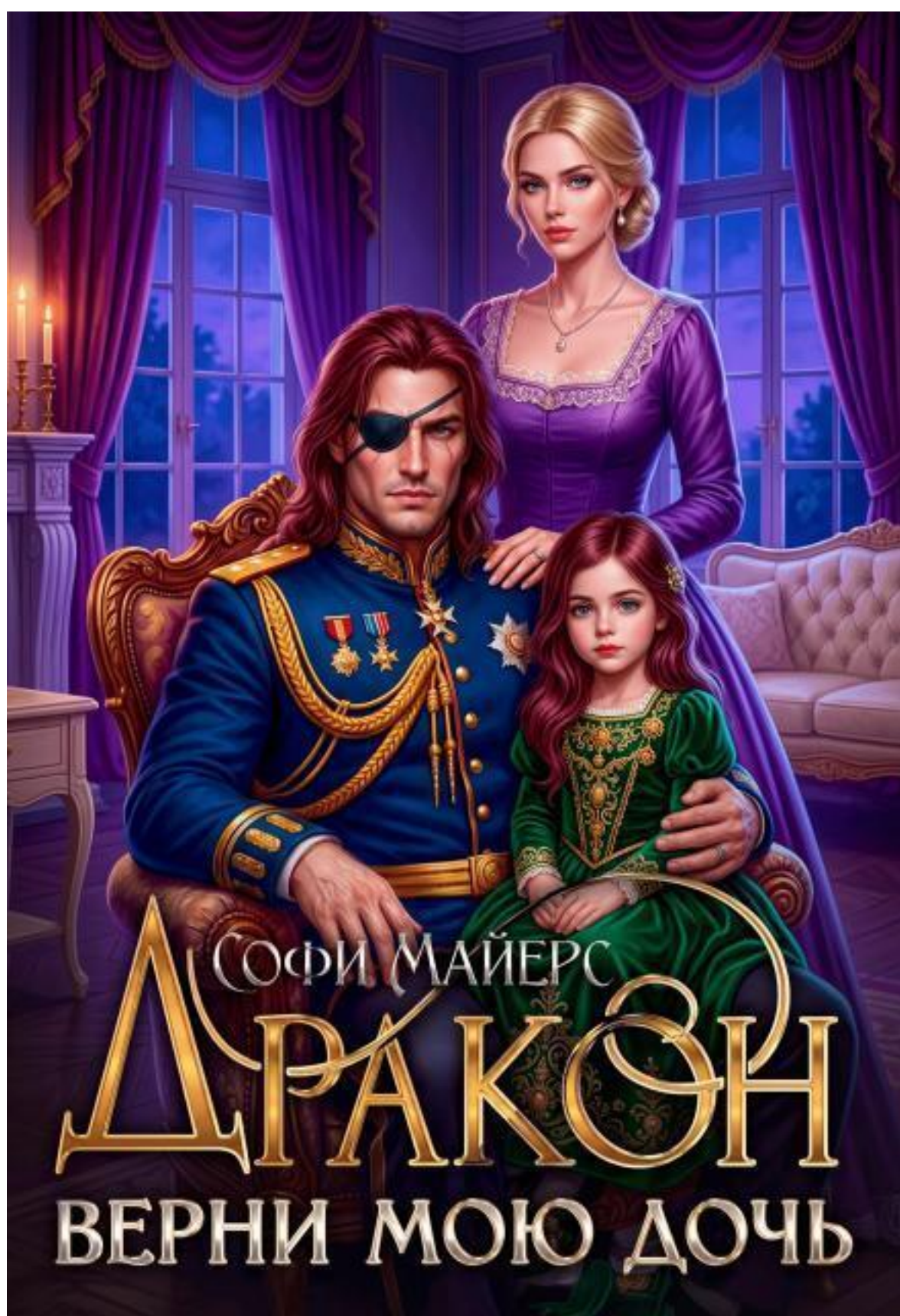

СОФИ МАЙЕРС

ДРАКОН

ВЕРНИ МОЮ ДОЧЬ

Софи Майерс

Дракон, верни мою дочь!

«Литнет»

2026

Майерс С.

Дракон, верни мою дочь! / С. Майерс — «Литнет», 2026

Муж лишил Алану дочери и отправил в монастырь на остров. Бедняжка умерла, и теперь в её теле я Алина, фельдшер скорой. Я не привыкла сдаваться и смогла вернуться на большую землю, чтобы вернуть дочь. У меня есть то, что может спасти дракона бывшего мужа, а я... Взамен я попрошу высокую плату!

© Майерс С., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Девочка	5
Глава 2. Алина Литвинова	7
Глава 3. Чешуйчатая тварь	10
Глава 4. Имя и грех	13
Глава 5. Пир	15
Глава 6. Пожар	17
Глава 7. Заголовок	19
Глава 8. Исцелить дракона	21
Глава 9. Тия	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Глава 1. Девочка

— Девочка.

Муж тянет гласные, презрительно осматривает меня, а потом комнату, в которой я несколько часов назад родила нашу дочь.

От его тона я покрываюсь мурашками. Противными ныряющими за край воротника домашнего платья.

Не понимаю его реакции.

Медленно встаю с кровати.

Я ослаблена после тяжёлых родов, но внутри ноет тревога, заставляя подняться на ноги.

— Лиар, — обращаюсь к мужу, который с таким же выражением, что одарил меня, смотрит на колыбельку. — Это наша дочь. Она прекрасна. У неё твои...

— У неё нет ничего моего, — перебивает он, и голос его похож на рык. — Не смей меня с ней сравнивать!

Я не понимаю. Вернее, я боюсь понять. Мы не говорили об этом раньше.

Я думала, муж будет рад.

Я думала, он будет любить любого ребёнка, потому что это наше дитя.

НАШЕ.

Созданное в любви.

— Но... — мой голос ломается. — Лиар, она здорова. Я не понимаю...

Подхожу ближе, касаюсь его мощной груди, укрытой чёрным шёлком рубашки. Под рукой тягуче бьётся сердце, но я не чувствую привычного тепла. От него веет холодом и морозом, совсем так, как сейчас за окном.

— Замолчи. — Лиар срывается мою ладонь со своей груди и подходит к окну, в сторону колыбельки он даже не смотрит. — Клану нужен наследник. Мужчина. Воин. Продолжатель рода. А ты... — он поворачивается, и я вижу его глаза, цвета расплавленной ртуты, стальные глаза, режущие на живое. — Думал, ты понимаешь, как моему клану нужен наследник.

Его слова входят в меня, как острый кинжал. Прямо под рёбра.

Отхожу к колыбельке, потому что малышка закричала. Лиар говорит громко, не удосуживается опуститься до шёпота. Ему плевать, что ребёнок спит.

— Нельзя настолько цинично говорить о своём же ребёнке. Он создан в любви. Я носила её под своим сердцем девять месяцев.

— Это бесполезная трата времени, — цедит он сквозь зубы. — Ты могла бы родить сына. Все знамения были. А ты... — он смотрит на мой живот, ещё не опавший, мягкий, и в его взгляде брезгливость. — Ты не смогла даже этого. Опозорила меня.

Кровь отливает от щёк. Перед глаза плывут чёрные пятна, но физическая слабость не так страшна, потому что душа трепещет, сжимается в неистовой попытке защититься, боится, что её сейчас вырвут с корнем.

— Опозорила? — голос резко срывается, звука нет, лишь хрип.

Не выдерживаю, слёзы душат меня, чертят неровные дорожки на бледных щеках.

— Чем? Тем, что родила здорового ребёнка? Тем, что это девочка? Лиар, я не выбираю пол! Это не в моей власти! Я не понимаю, почему ты злишься?

— Ты должна была молиться усерднее. — он говорит это абсолютно серьёзно. — Женщины моего клана рожают только мальчиков. Ты единственная, кто принёс эту... эту ошибку.

Ошибка. Он назвал нашу дочь ошибкой!

Я смотрю на него, на мужчину, которого любила. Которому отдала всё. Которому поверила, когда он сказал, что я буду его единственной, его королевой. И сейчас, в этом взгляде, я вижу правду.

Я никогда не была королевой. Я была инкубатором. И я произвела бракованный товар.

— Того, что произошло не изменить. — мой голос снова хрипит. — Ни я, ни она не виноваты в твоей злости.

— Не виновата? — он усмехается, и эта усмешка страшнее любого крика. — Она виновата уже тем, что родилась. Но я не чудовище. Я не убью младенца.

Я резко втягиваю воздух сквозь сомкнутые губы, а потом медленно выдыхаю. На секунду. На один крошечный вдох. Неужели в его мыслях действительно были эти страшные слова? Где любящий муж, что там бережно гладил живот? Что изменилось за те два месяца, что его не было дома?

— Тебя я тоже не убью, но и видеть больше не желаю, но просто выгнать или сослать не могу.

Цинично заявляет супруг, а я несколько раз хлопаю ресницами. В ногах появляется противная слабость вынуждая меня найти место куда сесть. За меня некому заступиться, я сирота, но его слова ужасны, неужели...

— Поэтому ты добровольно отправишься в монастырь. Будешь отмаливать свой тяжкий грех. Думаю, монастырь на острове Рояло подойдёт.

Заключает он, а я вцепливаюсь в колени напряжёнными пальцами.

Это не просто монастырь — это тюрьма. Место, которое невозможно покинуть. Остров заберёт мою слабую магию, и я стану его частью. Навеки.

От меня не просто избавляются самым гнусным образом, моё имя хотят стереть навсегда.

Лиар смотрит на меня с фанатичным блеском в глазах. Впитывает мой страх, мою боль и радуется. Уголки его губ торжествующе подрагивают. Доволен собой.

Качаю головой. Что-то не то. В его поведении. В его словах. Но не могу понять что.

— Лиар, — мой голос снова окреп. — Я любила тебя. Я до сих пор люблю. Я рожу тебе ещё детей. Наша дочь будет украшением Дома Огня. Посмотри на неё.

Последние слова почти кричу. На дрожащих ногах подхожу к мужу и обнимаю его лицо ладонями, заглядываю в глаза, но не вижу там ничего! Абсолютная беспросветная тьма и холод.

Ничего не исправить. Лиар дёргает лицом, не даёт мне больше его касаться.

— Довольно, я отвезу тебя лично, вещи не собирай, они тебе там не потребуются. И... — он кривит губы, — чтобы не слышал ни одного писка.

Кивает в сторону колыбельки, а потом разворачивается и уходит.

Дверь закрывается. Я слышу щелчок замка, от которого вздрагиваю.

Подхожу к дочери. К моей ненужной, позорной, обречённой дочери.

Я прижимаю ладони к животу туда, где ещё недавно она пиналась. Где я носила её под сердцем. Где я обещала ей, что мир — это доброе место.

Я солгала. Мир — это её отец. А он только что разлучил нас.

Присаживаюсь рядом с колыбелькой и поправляю маленькое одеяльце с вышивкой. В глазах плывёт то ли от слабости, то ли от слёз уже не понимаю.

— Элоди, — шепчу я в пустоту.

Темнота принимает меня в свои объятия, и я теряю сознание.

Глава 2. Алина Литвинова

— Господин, она совсем ледяная. Ой, мамочки...

Короткий всхлип доносится до моего уха, и это первый звук, что я слышу после визга тормозов и скрежета металла.

Пытаюсь открыть глаза, но у меня не получается.

Скорее всего, я ещё под наркозом в реанимации.

Так! Раз я могу анализировать, значит, что я в сознании. Меня спасли!

— Не выдержала бедняжка... может оно и в лучшем...

Слышу ещё один сердобольный голосок, а потом чужой мужской, властный, с лёгкой хрипотцой.

— Вы забыли о своих обязанностях? Чего столпились? Алана, любит устраивать сцены, поворачивается и встанет.

Это к кому это так обращаются?

Не успеваю переваривать услышанное, как на меня обрушивается поток ледяной воды. Резко открываю глаза, но пошевелиться не могу. Тело словно окаменело, не подчиняется мне.

Перед глазами всё плывёт, будто смотришь сквозь мутное стекло. Пятна красного, бурого и чёрного смешиваются в калейдоскоп. Голова раскалывается, но не так, как при головной боли, глубже, будто кто-то пытается просверлить череп изнутри.

— Тихо, тихо... — шепчет кто-то надо мной, но голос дрожит и срывается на фальцет.

Я моргаю. Раз второй. Зрение фокусируется на высоком лепном потолке с хрустальной люстрой, на стенах, обитых тёмным шёлком, на тяжёлых портьерах из бархата, едва пропускающих утренний свет.

Где-то справа тикают часы, заключённые в каминную статуэтку — дракон с поднятой головой, и каждый удар маятника отдаётся в висках.

Камин. Мраморный. В нём горит огонь, и в его свете поблёскивают золочёные рамы картин: портреты людей в старомодной одежде и пейзажи.

Пытаюсь приподняться и тут же понимаю, что это была плохая идея. Всё тело ломит, будто меня переехали. Но странно — низ живота тянет особенно сильно, как после... после чего? Я не помню. И грудь налитая, тяжёлая. Странно.

Роюсь в памяти, но последнее, что помню — это мужа, что орал на меня, и слепящий свет фар встречи, визг резины, а потом...

А потом ничего.

И это место не похоже на реанимацию. Оно похоже на старинный особняк в викторианском стиле.

— Где я? — сиплю, и собственный голос кажется чужим, выше и тоныше, чем должен быть.

Верчу головой, осматриваю незнакомцев.

Надо мной склоняется женщина в накрахмаленном чепце и чёрном платье с белым передником. Очень похожа на горничную в старинных фильмах. Лицо бледное, веснушчатое, глаза расширены от страха и облегчения одновременно.

— Госпожа, но...

Она не договаривает, потому что справа слышу ещё один голос. Говорящий в моей слепой зоне, чтобы разглядеть его, мне нужно повернуть голову. С трудом, но оборачиваюсь.

Замираю, потому что взгляд мужчины буквально прибывает к полу. Тяжёлый. Лютый взгляд.

— Алана, если ты думаешь, что внезапная потеря памяти и припадочное состояние спасёт тебя, то ты ошибаешься.

Алана? Почему они обращаются так ко мне?

Незнакомец делает шаг ко мне, и я инстинктивно выставляю вперёд руку, так, будто могу эти жестом защититься.

Но моя рука чужая. Тонкая, белая, с длинными ухоженными пальцами, это не руки женщины пятидесяти лет. И кольцо на безымянном — тяжёлое, с тёмным камнем, почти чёрным. Я своё сняла вчера...

Я смотрю на свои руки. На кольцо. Оборачиваюсь на большую кровать, скольжу взглядом по шёлку, простыней, по балдахину и резными столбиками из красного дерева. Сердце замирает в груди, когда позади себя, слышу детский плач.

— Ничего не понимаю.

Бред! Как я здесь оказалась? Я помню кто я, но...

— От горя она совсем обезумела. Не помнит, кто она.

Нет уж! Дудки! Я помню, что я Алина Геннадьевна Литвинова — фельдшер скорой медицинской помощи. Мне пятьдесят лет. Я замужем. Детей нет.

Но кому принадлежат эти пальчики веточки, я не помню, как и то, как я здесь оказалась.

Мужчина издаёт возмущённый вздох. Красивый, как греческий бог, он ставит пустой графин на стол и наклоняется ко мне.

— Я приказывал тебе, чтобы я её не слышал! Успокой свою дочь, немедленно, а потом сразу же собирайся и выходи на задний двор.

Рычит он мне в лицо, а всё моё естество встаёт в позу. Раскомандовался. Абыюзер!

Внутри поднимается буря, которая тут же стихает, когда до меня доходят его слова, так сказать, в полном объёме.

— Моя дочь?

Мужчина уходит, а я остаюсь наедине с прислугой и кричащим комочком.

— Госпожа, вы правда ничего не помните?

Отрывисто киваю, принимая помощь той, что помоложе. Она помогает мне встать.

— Расскажите, хоть что-нибудь.

Требую, с каждой новой прожитой секундой, что силы возвращаются. Я уже могу стоять без дрожи и взять на руки свою дочь.

У меня дрожат руки, а в глазах влажно от слёз. Малышка. Такая крошечная, маленький носик, глазки-бусинки.

Служанка рассказывает мне про события прошлого дня и вечера, и я лишний раз убеждаюсь, что это не сон.

Внутри что-то переключается в этот миг. Тело начинает мелко-мелко дрожать, и я сажусь на кровать, прижимая к груди новорождённую дочь, с которой меня разлучает собственный муж.

Осознание бьёт наотмашь.

Я умерла в аварии и попала в тело бедной женщины, что не пережила жестокость своего мужа. Она оставила дочь, а я...

А мне теперь это расхлёбывать.

Прикладываю малышку к груди, и меня накрывает волной нежности. Я неумеха. Своих детей у меня нет, но есть обширная медицинская практика, которая... не помогает.

Слава богу, малышка сама понимает, что нужно делать, пока я судорожно соображаю, чем я могу помочь себе и дочери, учитывая исходные данные. Смотрю на Эмму, а потом говорю торопливо.

— Послушай. Ты останешься и будешь рядом с моей дочерью. Слышишь меня? Приложи все усилия, но будь рядом. Я... я вернусь и заберу её.

Голос дрожит, но не я. Я уверена, что меня не просто так отправили в этот мир.

Решительности мне не занимать, но в тот миг я даже не задумываюсь, что меня ждёт на улице.

Глава 3. Чешуйчатая тварь

Эмма помогает мне одеть скромное «глухое» платье, а потом терпеливо заплетает мои длинные волосы в тугую косу. На улице зима, и довершением моего скорбного образа служит пальто и платок.

Сердце замирает в груди, когда я вижу, как теперь выгляжу. Полноватая фигура, но это после беременности, но она не портит, красивая масть лица: аккуратный носик, большие голубые глаза, пухлые губы. Роскошные светло-русые волосы, похожие на спелую пшеницу.

Алана была красавицей. Но почему же муж так жесток с ней? Неужели действительно из-за того, что она родила девочку?

Наклоняюсь и целую дочь в её тёплую, пахнущую солнцем макушку. Мне не посчастливилось стать матерью. Сначала я работала, как проклятая, потом функциональное бесплодие поставило приговор.

А теперь...

Теперь меня отправили в этот мир, дали возможность почувствовать себя матерью, заполнить ту пустоту, что жила внутри, и отняли это...

Если быть точнее, отнял гнусный негодяй, которого Алана любила.

— Вы его сильно разозлили, — шепчет Эмма, провожая меня на улицу, и в её голосе дрожит тревога. — Раз он решил сам вас отправить в тот монастырь.

Нет, я, конечно, таких экземпляров и в своём мире встречала.

Хранители продавленного дивана, жаждущие наследника, будто им действительно есть что передавать по наследству.

Кроме, может быть, долгов и скверного характера.

Но в моём мире никто, слышите, никто, не посмеет просто так отправить женщину в монастырь.

Тяжело вздыхаю, потому что в голове сплошной сумбур и противная липкая каша. Бежать сейчас не выйдет. Дом наверняка охраняется, я чувствую спиной чужие взгляды. А вот по дороге... по дороге вполне возможно. Только бы не упустить момент.

Но стоит мне выйти во двор, как все мои планы рушатся в одно жалкое мгновение.

Потому что на заднем дворе стоит ОГРОМНЫЙ.

...Огромный, мать его ДРАКОН!

Я взвизгиваю, тонко, по-пороссячи и в один прыжок оказываюсь за закрытой дверью. Сердце колотится где-то в горле, ладони мгновенно становятся мокрыми. Это как понимать?! Это что это вообще такое?!

Эмма округляет глаза так, что они становятся похожи на две монетки.

— Госпожа... — шепчет она ошарашенно. — Вы и это не помните? Ваш муж — генерал армии драконов, а ещё глава Дома Огня.

Если бы я помнила! Если бы я хоть что-то помнила!

Но служанка говорит об этом так спокойно, будто драконы во дворе — это обычное дело. Будто каждый день она подаёт завтрак и наблюдает, как чешуйчатая тварь дымит носом.

Я набираюсь смелости, выдыхаю, сжимаю кулаки и снова открываю дверь.

Дракон никуда не исчез. Наоборот, он словно только и ждал моего появления. Теперь он рассвирепел по-настоящему. Из его ноздрей валит густой чёрный дым, воздух наполняется запахом серы и гари. Огромные зубы клещат так, будто он уже пробует меня на вкус. Будто хочет перекусить меня пополам, как сухую ветку.

— Алана, сколько можно!

Голос врывается в моё сознание, как удар грома. Глубокий, рокочущий, почти нечеловеческий. Я удивлённо таращу глаза, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

Во дела!

Как сказала бы моя племянница: «Это вам не хухры-мухры».

Но даже сейчас, даже в этот безумный момент, я ещё не понимаю, насколько унижительным окажется моё положение. Насколько я буду беспомощна, как муха в паутине.

Я лихорадочно пытаюсь сообразить, куда мне садиться.

На дракона же надо как-то забираться?

Как вдруг чудовище взлетает. Мощные крылья со свистом рассекают воздух, поднимая вверх клубы пыли и мелкие камешки. Пространства заднего двора ему хватает с лихвой и тут меня осеняет. Дом так и проектировался. Специально. Для этих тварей.

«Алина!» — хочется простонать в голос, схватиться за голову и рухнуть на землю. «О чём ты думаешь?! О чём-о-о-ом?!»

Дракон на короткий миг зависает в воздухе прямо надо мной огромный, чёрный, с горящими алыми глазами. А потом медленно, будто наслаждаясь моим ужасом, тянет ко мне когтистую лапу.

Я вижу как ненормальная. Как резаная. Как та девчонка из фильма ужасов, которую ну в общем вы поняли.

Меня хватают за руки двое крепких мужчин, я даже не заметила, откуда они взялись! И буквально толкают вперёд. Нет, не толкают. Швыряют. Прямо под тушу дракона, как мешок с картошкой.

Острые когти смыкаются на моей талии, трещит ткань пальто, разрываемая острыми как бритва когтями. И дракон, довольно рыкнув, тут же набирает высоту.

Земля уходит из-под ног так стремительно, что у меня перехватывает дыхание. Когти впиваются в талию. Больно. Я чувствую каждый миллиметр, каждую острую как бритва чешуйку. Ветер бьёт в лицо, сбивает волосы, вырывает слёзы из глаз.

— Отпустите меня, чудовище! — ору, но ветер уносит мой голос вниз, превращая его в жалкий писк.

Дракон даже ухом не ведёт. Или тем, что у него вместо ушей. Он просто летит, мощно, ровно, будто я ничего не вешу. Будто я пёрышко, застрявшее между его пальцами.

Пытаюсь извернуться, посмотреть, что внизу. Мелькают леса: тёмные, дремучие, будто на них век не ступала нога человека. Потом скалы, острые, как драконьи зубы. А потом море. Бесконечное, холодное, серо-зелёное. Оно простирается до самого горизонта, и мне становится по-настоящему страшно.

— Куда ты меня тащишь?! — уже не кричу, а просто шепчу, потому что сил не осталось.

В ответ только свист крыльев и низкое, вибрирующее урчание в груди чудовища. Оно звучит почти как... как смех.

Сволочь.

Чешуйчатая сволочь!

Пальцы немеют, всё тело затекает в этой нелепой позе. Я перестаю понимать, где верх, где низ. Только ветер, только этот противный запах серы и гари, только бешено колотящееся сердце.

А потом дракон начинает снижаться.

Я чувствую это по тому, как меня тянет вниз, тяжелее, резче. Когти сжимаются сильнее, будто бояться упустить добычу. Внизу, среди волн, вырастает остров. Небольшой, скалистый, совершенно пустынный. И на самой его вершине серые каменные стены. Монастырь.

Он выглядит как тюрьма. Самая настоящая могила для тех, кто сюда попадает. Высокие глухие стены, узкие окна-бойницы, массивные ворота, обитые железом. Ни деревца вокруг, ни травинки только голые камни и чайки, которые с криками разлетаются в стороны, завидев дракона.

— Нет, — вырывается у меня помимо воли.

Дракон планирует по широкой дуге, облетая монастырь вокруг. С высоты я вижу внутренний двор, несколько фигур в чёрных рясах, суетливо прижимающихся к стенам.

— Пожалуйста... — шепчу я, обращаясь непонятно к кому. К дракону. К себе. К той, чьё тело я заняла.

Бесполезно.

Чудовище закладывает последний вираж и с тяжёлым хлопанием крыльев опускается прямо во дворе. Земля сотрясается от его веса. Камни дрожат под когтистыми лапами.

Меня аккуратно, почти нежно, опускают на землю.

Ноги подкашиваются, и я падаю на колени, хватая ртом воздух. Пальто и платье изодрано в клочья, на талии останутся синяки. Я трясусь всем телом и не могу остановиться.

Оборачиваюсь и вижу, что дракона больше нет. На его месте стоит бывший муженёк и зло улыбается, скалится.

— Принимайте, — говорит Лиар. — Моя бывшая жена Алана прибыла отмаливать свои грехи и служить на благо монастыря.

Он говорит это низким, рокоचущим, с нотками презрения.

Я инстинктивно обнимаю себя руками. Пожалуй, облик дракона хотя бы немного отражает его чудовищную суть.

За спиной раздаются торопливые шаги. Чёрные рясы окружают меня плотным кольцом.

— Ваша светлость. Несомненно, монастырь научит её смирению. Благодарим за щедрое пожертвование.

Со свистом вдыхаю воздух. Теперь понятно, почему мне здесь так «рады», генерал купил мне место, очевидно, не люкс.

Дёргаюсь, когда он отходит на шаг назад и снова обращается. В золотистых искрах дракон расправляет крылья и взлетает.

Я провожаю его взглядом, будто цепляюсь за последнюю призрачную надежду.

— Вставай, грешница, — слышу я сухой, как песок, голос. Старая монахиня с лицом, похожим на печёное яблоко, смотрит на меня без капли сочувствия. — Здесь тебя научат смирению.

Глава 4. Имя и грех

Игнорируя слова монахини, медленно встаю на ноги и поднимаю голову, чтобы увидеть, как дракон взмывает в воздух. Вертикальный зрачок пожирает меня, а в нём вся ненависть этого мира.

Боже! Да за что бывший муж так ненавидит Алану?

Как плохо, что я ничего не помню.

Тяжело вздыхаю. Небо заволакивает свинцовыми тучами, первые капли дождя падают на моё лицо.

Чувство безнадёги обнимает меня за плечи, шепчет на ухо, что здесь не так и плохо.

Лишь внутренний стержень, выкованный годами, говорит обратно. Здесь не-не так плохо – здесь мерзко, чудовищно.

Лучше я брошусь в холодные воды моря и буду плыть до берега, но я попробую вернуть себе свободу. Я не буду радоваться тому, что я здесь. Не впаду в уныние.

В горле встаёт ком.

— Ты ещё пожалеешь, — шепчу одними губами.

Дракон делает круг над монастырём. На секунду мне кажется, что он замедляется. Словно прислушивается. Но нет, он исчезает из виду. Дождь усиливается.

— Имя, — голос старой монахини режет по ушам, как ржавое лезвие. — Имя и грех.

Я перевожу взгляд на старуху в чёрной рясе.

Сгорбленная, с узловатыми пальцами, тонкие губы, сложены в брезгливую складку. На костлявых пальцах с узлами суставов намотаны чётки. Но меня привлекают её глаза. Они не выцветшие от старости, а наоборот живые, ярко-синие.

— Алана, — говорю я. Горло саднит, голос ломается. — Я родила девочку.

Монахиня не ожидает такого ответа. На секунду её лицо принимает озадаченный вид, что-то живое мелькает в нём. Но она быстро гасит это чувство, как задувает свечу. Лицо снова становится благочестивой маской.

— Колдовство — страшный грех, — выносит приговор она.

Я удивлённо вскидываю брови. Внутри всё кипит.

— Я не колдунья. — голос набирает силу. — Никому не дано вмешиваться в дела бога, когда он решает, кому родиться. Нет такой магии. От меня просто решили избавиться. Как от ненужной вещи.

Резкая пощёчина опускается на мою щеку, и я от неожиданности делаю шаг назад, но натыкаюсь на стену из монахинь.

— Точно колдунья! Нет иного бога, кроме драконьих богов!

С надрывными, слезливыми нотками вдруг говорит другая монахиня. Её глаза горят праведным гневом, вот-вот и она кинется бить меня.

— Сестра, успокойтесь, — призывает монахиня, что зачитывает мои грехи, — Ещё и гордыня, — добавляет монахиня и цокает языком, словно я провинившаяся скотина.

У меня глаза лезут на лоб. Они что, меня не слышат? Не видят? Или видят и им всё равно?

— Пять палок для начала отрезвят твой ум и наставят на путь истинный.

Я вздрагиваю всем телом. Сердце пропускает удар. Они хотят меня избить? Ну уж нет! Просто так я не дамся.

С лёгкостью вырываюсь, когда две монахини берут меня за руки, но их гораздо больше. Гораздо. Чёрные рясы смыкаются вокруг, как вороны над падалью. Меня хватают за руки, за одежду, за волосы. Кто-то вцепляется в плечо так сильно, что ногти впиваются в кожу.

Тащат через внутренний двор, напрямиком в подземелье.

Там пахнет сыростью, ладаном и чем-то ещё чем-то сладковато-тошнотворным. Сладкая гниль. К горлу подступает тошнота, и я сглатываю желчь.

Верчу головой, пытаюсь запомнить каждую дверь, каждый поворот.

Темнота разбавляется редкими чадающими факелами.

Они почти не дают света, только коптят и слезят смолой.

Каменные полы скользкие от влаги.

Я почти падаю, но меня держат.

— Здесь твоя келья, — монахиня толкает скрипучую дверь. — Вечерняя молитва через час. Опоздаешь, будешь молиться коленями на голых камнях до утра. А пока...

Пять ударов палкой. Много это или мало?

Для меня, не выдавшей физического насилия, — много. Слишком много!

Первый удар выбивает воздух. Второй — слёзы, которые я сдерживала так долго. Третий — голос. Я кричу. Я не стыжусь этого крика. Четвёртый и пятый я уже почти не чувствую — только мокрую спину и солёный вкус в углах губ.

Еле доползаю до железной кровати с тонким тюфяком. Падаю лицом вниз. Фу. Как же здесь воняет. Плесень, сырость, запах окислившегося железа. Я переворачиваюсь набок. Спина ноет от ударов, но боль понемногу отступает, и я цепляюсь за это облегчение, как утопающий за щепку.

Рассматриваю моё новое жилище.

Келья — каменный мешок. Железная кровать с тонким тюфяком, кувшин с водой, глиняная кружка. Ни зеркала, ни окна. Только крошечное отверстие под самым потолком, через которое поступает воздух — и кусочек серого неба. Свобода размером с мой кулак.

Я зажимаюсь. Сильно. Сильно-сильно до звёздочек под веками. Хочу, чтобы всё это оказалось сном. Хочу проснуться в своей постели. Не хочу этого ужаса.

Но вдруг слышу тихий плач.

Он доносится из-за стены. Тонкий, надрывный, сбивчивый. Кто-то плачет за стеной, мешая слёзы с горячей молитвой.

— Эй! — мой голос хрипит. Я прижимаюсь щекой к холодному камню. — Кто ты?

Плач обрывается.

А потом я слышу тоненький голосок.

— Тебя тоже прислали сюда на смерть?

Глава 5. Пир

— Да, муж. Меня зовут Алана, а тебя?

Я представляюсь новым именем таким созвучным с моим собственным.

Эх, Алана, попали же мы в переплёт.

За стенкой несколько коротких мгновений тишины. Ни звука. Ни дыхания. А потом робкий, надломленный голос.

— Меня зовут Мелисса. Мне жаль, что тебя побили.

Я сажусь на кровати и только сейчас замечаю, спина не болит. Совсем. Странно. Должна гореть огнём, но чувствую только тупую, далёкую пустоту. Наверное, адреналин, думаю я.

— Мелисса, как отсюда выбраться?

Из-за стены тихий вздох. Долгий. Усталый.

— Никак. Мы обречены.

Эти слова падают в тишину, как камни в колодец без всплеска, только глухой удар о дно.

— Но лучше не сопротивляться, — продолжает Мелисса, и в её голосе нет ни страха, ни надежды. Одна серая, выгоревшая покорность. — Перед кончиной хотя бы не будут бить. Будешь есть досыта. Делай всё, что они говорят. Так проще. Любое сопротивление... его сломают. А монастырь, эти стены, эти скалы заберут твою магию. И твою жизнь.

Меня прошибает озноб. Не от холода, а от того, с какой лёгкостью она говорит о смерти. Словно о чаепитии. Словно о том, что надеть завтра утром.

— Сколько ты здесь? Как попала?

— Около года. Я изменила мужу. Наверное. Я уже не могу точно сказать, где правда, а где то, что мне пытаются втолковать болью и голодом.

Судорожный вздох срывается с моих губ. Всё хуже. Намного хуже, чем я думала. Это место не монастырь. Это помойка для женщин, которых мужья хотят забыть. Куда можно привезти под надуманным предлогом, бросить и не вспоминать. Пока он греет постель с кем-то помоложе. Помягче. Покладистее.

Может, и в моей ситуации так же? Я же ничего не помню. Только то, что рассказала Эмма. Боже. Эмма.

Справится ли она? Сможет ли?

Я шепчу молитву — единственную, которую помнила всегда. Ту, с какой шла на тяжёлые вызовы. С которой откачивала людей после пожаров, будучи в бригаде скорой. С которой мчалась через весь город, когда везли «тяжёлых» детей.

Мелисса замолкает. Я снова ложусь набок, и кровать противно скрипит подо мной. Мне нужно думать. Нужно понять. Нужно выбраться.

В келье нет окон, нет часов, но шум в коридоре меняется — становится гуще, тяжелее, наполненным шагами. Вечерняя молитва. Догадываюсь я.

Я выглядываю из-за двери и вижу их: молчаливые женщины в чёрных платках, с опущенными головами. Они текут по коридору, как серая река, безлика, покорная. Одна из них поднимает взгляд и смотрит дольше других, и я понимаю, что это Мелисса.

Она протягивает мне платок. Тёмный, грубый, пахнущий затхлым запахом. Я смотрю на неё в недоумении, и тогда она сама повязывает его на мою голову. Её пальцы холодные как лёд.

Я смотрю на неё в упор и думаю: какой же идиот был её муж?

Как можно променять такую женщину на кого-то ещё?

Она прекрасна, просто сказочная нереалка. Даже монастырское тряпье, даже чёрный платок не могут затмить её красоты.

— Спасибо, — говорю я, и она слабо улыбается. Улыбка, правда, выходит кривой. — Что происходит на молитве?

Мы поднимаемся по лестнице вдвоём, и наши шаги гложут в каменных стенах.

— Лучше один раз увидеть, — голос Мелиссы дрожит. — Ты так быстро оправилась после палок... У тебя есть целительский дар?

Дар? О чём она? Я веду плечами вперёд, назад. И правда ни боли, ни жжения. Только странная, звенящая пустота там, где должны быть гематомы.

— Продержишься дольше, — тихо говорит она, и в этом «дольше» звучит не надежда, а приговор.

Я не успеваю спросить, что она имеет в виду. Мы уже во дворе. Монахини в чёрном окружают нас плотным кольцом. Десять, двадцать, тридцать они движутся синхронно, как стая. Я верчу головой, ищу выход, но только мне здесь интересно. Остальные стоят, опустив головы, вжав подбородки в грудь.

— Опusti голову, иначе побьют, — шепчет Мелисса, и я подчиняюсь.

Звенящий женский голос накрывает двор, как удар колокола:

— Сёстры и грешницы! Драконы боги подарили нам ещё один благословенный день. Возрадуйтесь!

Это секта. Точно секта. Монахини вскидывают руки к небу и начинают нараспев читать молитву. Их голоса сливаются в один — высокий, пронзительный, неестественно чистый. Мы, «грешницы», молчим. Хорошо хоть учить ничего не надо, а то...

Меня словно прошивает молнией.

Небо над головой меркнет, но не от тучи. От света. Оттого, что исходит от монахинь. Странная рябь, как марево над раскалённой дорогой, течёт от их тел и проходит сквозь толпу, сквозь меня. Я дрожу каждой клеточкой. Каждым пальцем. Каждым волоском на коже. Зубы стучат, и я не могу это остановить.

Перевожу взгляд на Мелиссу. Красивая девочка стоит, стиснув челюсть, и дрожит так же, как я. Её глаза широко открыты в них ужас. Что за чертовщина?

С трудом поднимаю голову. Мышцы шеи каменеют, но я заставляю себя смотреть.

И вижу.

Глаза монахинь начинают светиться. Ярко-синим. Одинаково. Как у кукол. Как у мёртвых. Свет течёт из орбит, струится по лицам, стекает на чёрные одежды.

До меня доходит: это не монастырь высасывает магию. Не скалы. Не проклятое место.

Это они.

Монахини.

Они поют — и пьют. Они молятся — и забирают. Каждый звук, каждый вздох, каждая дрожь нашей плоти — всё уходит в них. Мы стоим в центре этого кольца, как жертвенные животные, и чувствуем, как из нас вытекает жизнь.

Я хочу закричать, но голос пропадает. Хочу упасть, но ноги не слушаются.

Не помню, как оказываюсь в келье и точно не помню, когда в монастыре начинается пожар...

Глава 6. Пожар

— Алана, ну же очнись!

Звонкая пощёчина заставляет меня резко открыть глаза. Мир плывёт, растекается цветными пятнами, и первое, что я вижу испуганное лицо Мелиссы. Бледное, с глазами, полными ужаса.

— Прости, боги, прости, но я уже подумала, ты умерла, — её голос дрожит, срывается на всхлип.

Пальцы мелко трясутся, когда она касается моего лица.

— Что происходит?

Я шепчу шепотом, чужим голосом и чувствую, как горло жжёт от горечи и дыма. В окно валит чёрный, удушающий смог. Он ползёт по стенам, забирается в лёгкие, выедаёт глаза. Пожар. Мелисса только что спасла мне жизнь разбудив.

Решение приходит молниеносно. Рву подол платья — ткань трещит нехотя, будто не хочет отпускать. Мочу её в ведре с водой, что стоит в углу, и плотно затягиваю на лице, закрывая рот и нос. Такую же повязку делаю для подруги.

— Не убирай. Иначе задохнёшься.

Хочется добавить «быстрее», но отгоняю от себя мысли о гибели. Я выживу!

Мы выскакиваем в коридор и сразу же попадаем в ад. Море паникующих женщин. Они мечутся, кричат, толкаются, режут.

Самая бойкая, высокая брюнетка с перекошенным от страха лицом, перекрикивая остальных, командует:

— В подземелье! Быстро! Закрыться там!

Женщины послушно текут к узкому проёму в полу. Их лица пустые, глаза стеклянные.

Не могу на это смотреть. Нельзя закрываться в подвалах при пожаре. Я пытаюсь перекричать толпу, объяснить, что подземелье станет их могилой, но меня не слышат. Вернее, не хотят слышать. Ими движет страх, как животными: поскорее забиться в тихий угол.

Вопреки потоку людей, который буквально тащит нас к ступеням, ведущим вниз, я хватаю Мелиссу за руку и пробираюсь наверх. На свежий воздух.

— Ты с ума сошла?! — кричит она спотыкаясь. — Туда нельзя! Там огонь!

— А там — смерть! — бросаю я не оборачиваясь. — Если на улице пожар, дым всё равно заполнит всё. Те, кто заперся в подземелье, обретут там могилу. На открытом пространстве больше шансов. Камни не горят — горит только то, чем заполнены кельи.

Мы вылетаем во двор, и я понимаю, как же жестоко ошибалась.

Весь монастырь пылает как гигантский факел. Словно его облили керосином и подожгли со всех сторон сразу. Пламя лижется к небу, чёрный дым затягивает звёзды. Опаляющий жар окутывает со всех сторон.

— Мы ещё успеем укрыться в подземелье, — шепчет Мелисса, и её голос дрожит от страха. Она тянет меня назад, вниз.

Ну уж нет.

Я сканирую пространство и замечаю, что ворота монастыря распахнуты настежь. Их створки болтаются на ветру, как сломанные крылья. Монахини уже сбежали. Даже не удосужились спасти тех, кто их «кормил». А зачем? Привезут новых. Ещё и пожертвование щедрое подбросят. Гоню язвительные мысли.

— Что там? — я указываю за ворота.

Мелисса поднимает голову, щурится сквозь дым и пепел.

— Т-там... причал. Многие прибывают сюда с паромщиком.

Не раздумывая ни секунды, я хватаю её за руку и бегу. Мимо пылающих стен, мимо обугленных брёвен, мимо всего, что ещё минуту назад было нашей тюрьмой.

Дождь начинается внезапно: холодный, злой, хлёткий. Капли бьют по лицу, смешиваются с потом и сажей, текут по шее ледяными ручьями. Тропинка до причала становится скользкой, как лёд. Грязь чавкает под ногами, норовит вывернуть ступню.

Мелисса падает первой, нога уезжает в сторону, и она летит вниз, утягивая меня за собой. Мы кубарем катимся по склону, больно ударяясь о камни, царапая локти и колени. Чудом не разбиваем головы о валуны.

Я поднимаюсь первой. В ушах звенит, на губах — привкус крови.

— Вставай! — дёргаю её за руку. — Быстрее!

Дождь усиливается. Серая пелена затягивает горизонт, и в этой мгле я вижу лодку, связанную к пирсу.

Шанс.

Реальный, живой, почти осязаемый шанс бежать.

Мы сбегает к воде. Доски пирса прогнили, прогибаются под ногами, жалобно скрипят. Я запрыгиваю в лодку и тут же оказываюсь по щиколотку в ледяной воде. Хватаю черпак и начинаю черпать воду и выливать её за борт.

— Отвязывай! — кричу Мелиссе. Пальцы не слушаются, узел мокрый, скользкий, не поддается.

— Я не могу! — её голос срывается на плач. — Он слишком тугой!

Рву ногтями, до крови сдирая кожу, но всё же развязываю узел.

Лодка дёргается, отходит от пирса.

— Прыгай!

Мелисса не раздумывает. Сигает в лодку, едва не перевернув её. Я вручаю ей черпак.

— В дне дыра. Нужно чем-то заткнуть и черпать воду, иначе утонем.

Я хватаю вёсла. Не умею грести — никогда не умела — но сейчас это не важно. Важно только одно: вперёд. От этого проклятого места. От этих стен, что пили наши силы. От монахинь с сияющими глазами.

— Гребь, Алана, гребь! — кричит Мелисса, и в её голосе впервые звучит не страх, а ярость.

Маленькая девочка с внешностью эльфа затыкает дырку какой-то верёвкой и черпает воду с такой скоростью, что я удивляюсь.

Лодка рывком отходит от берега. Дождь хлещет в лица, ветер рвёт повязки, но мы не останавливаемся. Лопасты вёсел врезаются в воду, поднимают фонтаны брызг.

Я оглядываюсь назад.

Монастырь горит. Огромный, чёрный, пожирающий сам себя. Из окон вырываются языки пламени, стены трещат, кое-где уже рушатся.

Мелисса вдруг откладывает черпак, а, потом подставляя лицо ледяному дождю, начинает тихо смеяться. Сквозь слёзы. Сквозь дрожь. Сквозь всё, что с ней сделали.

— Мы живы, — шепчет она. — Боги, мы живы.

Я смотрю на приближающийся берег. Это моя цель. Свобода. Мокрая, холодная, пахнущая гарью и страхом, но настоящая.

Я перевожу дыхание и сжимаю вёсла крепче.

— Ещё нет, — тихо говорю я. — Мы живы, когда будем далеко. Очень далеко от этого места.

Глава 7. Заголовок

— У тебя нет выбора, Алана!

Тяжёлый мужской кулак с грохотом обрушивается на стол, и я невольно вздрагиваю. Нет, не от страха, просто отвар из бессмертника, медленно томящийся на крошечной коп-
тилке-плитке, подпрыгивает в такт удару, норовя выплеснуться и залить всё вокруг.

— Ты снимаешь халупу, и тебя считают гулящей. Я и только я твой единственный шанс наладить жизнь, — голос Жака переходит на мерзкий, визгливый фальцет, напоминая визг поросёнка, которого давно не кормили. — Нельзя же быть настолько упёртой! Посмотри на меня!

Я тяжело вздыхаю, с остервенением перетирая в ступке сухие листья лимонника, и, наконец, устаиваю мужчину своим взглядом.

Жак стоит надо мной, выпучив глаза, бессильно трясёт кулаками, и это зрелище вызывает во мне лишь тошнотворное презрение.

Мне нужно сделать мазь для миссис Арно и успеть отнести её ровно до половины шестого вечера. А появление Жака на пороге аптеки, где я работаю, никогда не сулит ничего, кроме беды.

С того самого дня, как мы с Мелиссой обосновались в предместье столицы, в этом крошечном, затерянном среди полей посёлке, мы невольно обрели соседство с этим приставучим «гражданином». Причём слово «гражданин» я произношу про себя со скрипом зубов, настолько оно не вяжется с тем, кто стоит передо мной.

Меня тошнит от запаха изо рта Жака. Он подходит ближе, и я отчётливо вижу жёлтый налёт на его неровных, кривых зубах. Мерзость подкатывает к горлу комом.

Всё началось несколько месяцев назад. Жак вдруг вбил себе в голову, что я должна стать его женой. Точнее, не сам вбил, ему помогла его матушка, та ещё манипуляторша, которая из всех сил пытается спихнуть своё «золотко» в хорошие руки.

Да только вот незадача: Жак далеко не мечта любой девушки. К тому же он любитель распускать руки, а если добавить сюда его вонь и характер... все адекватные девушки уже давно отказали им.

Остались только я и Мелисса. Но моя наречённая бедой сестра, как только устроилась в дом губернатора горничной, тут же получила его благосклонность, и Жак к ней не полез.

А я...

Пришлая. Не такая, как они. Чужачка.

«Бедолага», — шепчут обо мне соседки за спиной. И они же, эти же самые женщины, настойчиво советуют мне согласиться на брак с Жаком. Мол, куда тебе, одинокой? Хоть муж будет.

Сам же Жак пустил обо мне грязные слухи. Что я гулящая. Что отдаюсь за медяк. Проще всего, верно? Выставить меня падшей, а потом подобрать из «жалости». Как же, размечтался.

Как бы не так.

Я не нуждаюсь ни в жалости, ни в таких щедрых подачках. А на сплетни мне вообще плевать.

Особенно после того, что мы с Мелиссой пережили.

Губы начинают предательски дрожать, когда в голову лезут воспоминания.

Та страшная ночь. Огонь. Крики.

Рывки лодки в темноте, когда мы бежали с этого чудовищного острова, спасая свои жизни. Ледяной дождь. Если бы не мой дар, то погибли бы от переохлаждения.

Но...

Алана и Мелисса погибли в ту ночь.

Они не выбрались. Не смогли.

Выжили другие. Элоди и Констанца. Две сестры-сиротки, которые подались в столицу за лучшей долей. Только нас обокрали по дороге, украли последние монеты, и мы так и не доехали до города. Застряли в этом посёлке с издевательским названием «Добрый».

— Знаешь, что, Жак? — мой голос звучит тихо, но в этой тишине слышна сталь. — Убирайся.

Он замирает, не веря своим ушам.

— Вон, — повторяю я, вставая из-за стола. Рука сама тянется к тяжёлой ступке — на всякий случай. — И больше никогда не смей разговаривать со мной. Ты понял меня?

Жак открывает рот, чтобы что-то сказать, но я его перебиваю:

— Я не стану твоей женой. Я не бедолага, которую можно жалеть, запугивать или спасать. И не гулящая. Сунешься, пеняй на себя.

Его глаза расширяются. На миг мне кажется, что он попытается ударить, но потом Жак сглатывает, отступает на шаг и, бормоча что-то неразборчивое, вылетает за дверь, едва не снося косяк.

Дверь с грохотом захлопывается.

Я стою посреди аптеки, тяжело дыша, сжимая в руке ступку. Сердце колотится где-то в горле, но на губах медленно расплывается улыбка.

Поворачиваюсь к плите, поправляю отвар из бессмертника, беру в руки пестик и снова принимаюсь за работу. Скоро полшестого. Миссис Арно ждёт свою мазь.

— Здорово ты его.

Слышу голос Мелиссы и невольно улыбаюсь.

— Я говорила тебе, что могу поговорить с господином Роше, но ты упёрлась.

Мелисса кладёт газету на стол, а потом обходит стол и приобнимает меня за плечи.

— Не надо, нужно знать меру наглости. Хорошо, что Жак к тебе не пристаёт, а я его не боюсь. Ну что он может мне сделать?

Качаю головой, а потом добавляю измельчённые листья в отвар и выключаю плитку. Добавляю в него две доли глицерина и мешаю, пока отвар не загустеет до достояния геля, а потом накрываю ладонью, добавляю туда часть своего дара.

— Твои мази творят чудеса, так говорят. Миссис Бек должна платить тебе больше.

Миссис Бек держит аптеку, единственную в городе, в которой я работаю. Меня взяли сюда помощницей аптекаря, и спустя год я готовлю мази, обезболивающие пластыри и настойки для всего города и коплю монеты.

Гель застывает идеальной, блестящей массой. Я аккуратно перекладываю его в маленькую керамическую банку, разглаживаю поверхность и запечатываю крышку фирменной сургучной печатью. Маленький цветок — моя метка. Вздыхаю, откидываясь на спинку стула, и тут мой взгляд падает на газету.

На заголовок.

Глава 8. Исцелить дракона

Не мигая, смотрю на заголовок, а потом сжимаю газету пальцами так, что бумага жалобно хрустит и норовит разорваться.

Я просила Мелиссу приносить мне свежую газету, как только до посёлка будет добираться почтовый дилижанс. Посёлок хоть и находился сравнительно недалеко от столицы, но информация, как и газеты здесь появлялись в лучшем случае раз в неделю.

Целый год. Триста шестьдесят пять дней надежды и страха. Пятьдесят одна газета ни больше ни меньше.

Я искала в каждом заголовке, в каждой крошечной сноске, в каждой пожелтевшей странице хоть какую-нибудь зацепку о генерале Лиаре Даарниэле, и... о его семье.

Мне плевать, что я прочитаю о его очередной любовнице или новой жене.

Мне нужна хоть крупинка информации о его дочери. О моей дочери.

Я делаю это не просто так. Не из пустого, праздного любопытства. А потому что единственная ниточка, связывающая меня с Элоди, оборвалась в тот самый миг, когда я ступила на эту проклятую землю.

Как только мы добрались до посёлка Добрый — до этого издевательски названного Богом забытого места, — первые заработанные медяки я спустила на поездку в столицу. Всю дорогу тряслась в вонючей телеге, закутав лицо так, чтобы никто не разглядел моих слёз.

Мне нужно было знать, что с Элоди всё в порядке, что Эмма справилась. Что моя девочка жива и здорова, пусть даже я никогда больше не посмею взглянуть на неё.

Но меня ждало не просто разочарование. Меня ждал полный, беспросветный крах всех надежд.

Я до сих пор помню тот день до мельчайших подробностей, до отвратительного привкуса пыли на языке. Я пряталась за старым раскидистым деревом, так похожим на наши местные дубы, у своего бывшего дома, замотав лицо в толстую шаль: дешёвую, далеко не новую, купленную за гроши на рынке.

Я ждала. Всматривалась до рези в глазах. Надеюсь увидеть Эмму, добрую служанку, которая смотрела на меня с такой жалостью, когда меня увозили в Рояло. Или нянечек с коляской. Или хотя бы знакомую фигуру в окне.

Но в доме Лиара теперь работали совершенно другие лица.

Я тщетно всматривалась в лица охранников: суровые, одинаковые, как под копирку.

Садовника с грубыми руками.

Толстую кухарку, которая вышла забрать доставку зелени.

Я напрягала память до боли в висках. Ведь почти весь штат прислуги, все эти горничные, лакеи, конюхи провожали меня в тот день. Стояли навтыжку, когда дракон уносил меня из этого дома.

Но здесь не было ни одного знакомого лица. Ни одного.

Я проторчала там целый день. Солнце проползло по небу, спряталось за крышами, и уже начали зажигаться масляные фонари, когда болтливый парень из соседнего дома тот, что выносил мусорные вёдра, пристал ко мне с разговором.

Он косился на мою грудь под шалью, облизывал губы и флиртовал так откровенно, что меня замутило. Он думал, что я уличная девка. Думал, меня можно «снять» за пару медяков.

И я решила это мой шанс.

Я улыбалась ему, хлопала ресницами, называла его «милым» и «добрым», хотя внутри всё кипело от отвращения. А между всеми этими приторными любезностями выспрашивала про соседний дом. Мол, как же тебе повезло работать в таком богатом квартале, ты, наверное, всё про всех знаешь...

Он только фыркнул. Скривился, будто лимон сжевал.

— Да иди ты. Туда и задаром не пойду, — бросил он, сплюнув под ноги.

— Почему? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Трагедия там приключилась, — он понизил голос, оглянувшись. — Год назад. Генерал всех выгнал и старую прислугу, и охрану. Новых набрал. Никто не знает, что стряслось, но люди шепчутся...

Слово «трагедия» ударило меня под дых.

Я подумала о самом страшном то, о чём боялась даже помыслить.

Неужели Лиар смог... неужели он... нет!

Не верю!

Никогда не поверю, пока не увижу сама.

Своими глазами.

— А что же всё-таки случилось? — спрашивала как можно равнодушнее.

Парень вдруг побледнел и посмотрел на меня так, будто я спросила что-то запретное.

— Забудь, — пробормотал он. — Я ничего не говорил.

И сбежал. Просто развернулся и ушёл быстрым шагом, оставив меня с разорванной в клочья душой без малейшей информации.

— Алана, что с тобой?

Мелисса машет ладонью перед моим лицом. Её голос пробивается сквозь густую вату воспоминаний, но не сразу.

Я, видимо, надолго провалилась. Ушла в себя с головой. Тот самый огненный обруч снова начинает жечь рёбра с новой, пугающей силой, лишая воздуха, выжигая из лёгких весь кислород.

— Г-газета... — выдыхаю я. — Ты видела?

Мелисса хмурится сначала непонятливо, потом с досадой. Подходит ближе, склоняется над столом и вчитывается в заголовок.

— Генерал Лиар Даарниэль спас жителей приграничного поселения Лучистое, — читает она вслух ровным, бесцветным голосом.

Поднимает на меня взгляд, и в нём я вижу смесь удивления и раздражения.

Боги! Только не это. Надеюсь, она не думает, что я переживаю за бывшего мужа? Что я хоть на грош беспокоюсь о его драконьей шкуре?

— Читай дальше, — говорю я. Голос не дрожит. — Не останавливайся.

Мелисса переводит взгляд на газету, водит пальцем по строчкам:

— «Ценой своего дракона он уничтожил вражескую армию, загнав их в пустынные земли. Состояние генерала стабилизировано королевским лекарем... в настоящее время он полностью слеп и частично потерял память. Поверенный генерала Дарен Хейз обращается ко всем лекарям и целителям королевства от имени своего нанимателя и друга. Наградой за спасение жизни героя войны будет...»

Она обрывает чтение на полуслове. Выпучивает глаза огромные, испуганные. Газета выскальзывает из её пальцев и шлёпается на пол.

— Нет, — шепчет Мелисса. — Нет, не говори мне, что ты собираешься... Алана, будь разумной! Остановись! А что, если он узнает тебя? Он же вернёт тебя обратно! В Рояло! Ты понимаешь, что это значит?

Она хватается моё лицо в тиски, в свои ледяные, дрожащие ладони. Глаза у неё мокрые, но она не плачет. Она держится из последних сил.

Я мягко накрываю её руки своими. Пальцы у меня тёплые, дар целителя никогда не даёт мне замёрзнуть. Говорю спокойно, уверенно, хотя внутри всё кипит:

— Мел, я должна выяснить, что с Элоди. У меня душа болит. Нет, она кровоточит. Каждую ночь. Каждый вздох даётся мне с трудом. От одной мысли, что с моей девочкой могло

что-то случиться, я готова быть. Лиар — монстр. Не верю ни единому его слову. А что, если... что, если?

Мне не дали стать матерью в моём мире, оттого приложив к груди эту маленькую, прекрасную девочку я...я полюбила её в тот же миг, так сильно, будто несколько часов назад сама родила её в муках.

Голос срывается. Я всё-таки не железная. Мне больно. Так, больно, что даже думать о том, что он мог сделать с новорождённым ребёнком своими руками, своими проклятыми когтями, у меня темнеет перед глазами.

— Он слеп, Мел. Совсем слепой. И, скорее всего, лежит без сознания, если его «стабилизировали». Я изменю внешность, покрашу волосы в тёмный, куплю другую одежду, изменю походку. Я похудела. Боги, как же я похудела за этот год! Лицо заострилось, скулы выпирают. Меня не узнаёт родная мать, если бы она была жива.

Она молчит. Сжимает губы.

— Пойми, — я почти умоляю, хотя никогда не умоляла никого. Вцепилась в неё взглядом, как в последнюю соломинку. — Для меня это шанс. Единственный. Я никак иначе не попаду в его дом. Никак!

Мелисса качает головой. Отводит ладони от моего лица. Её лицо становится застывшей маской безысходность, скорбь, что-то ещё, чему я боюсь дать название. Она будто окаменела. Одеревенела.

— Милая... — шепчет она. — У тебя сильный дар. Очень сильный. А что, если этот Дарен Хейз поймёт? Если он раскусит, что ты можешь исцелить Лиара? Тебя не выпустят, пока ты не сделаешь это. И...

— И за это я возьму высокую плату, — перебиваю её. Твёрдо. Холодно. — Я больше не та Алана, которую отправили на Рояло. Я изменилась, Мел. Моя работа тоже имеет цену — высокую цену. Я больше не жена этому бессердечному чудовищу. Меня не за что упекать обратно в Рояло. Не за что.

Глава 9. Тия

Столица встречает меня промозглым утром.

Небо затянуто серой кисеей, мелкий, противный дождь сочится за воротник плаща, заставляя ёжиться.

Извозчик высаживает меня у южных ворот города. Здесь всё изменилось, и я с трудом понимаю, куда мне идти, потому что появилось очень много новых магазинов, да и в этой части города здания выкрасили в мышиный серый, создав тем самым ощущение безликой массы. Приходится обращаться за помощью в ближайшую лавку, и вот наконец, я знаю, куда идти.

Особняк генерала Лиара Даарниэля, мой бывший дом, стоит на своём месте, массивный и величественный, серый гранит поблёскивает в дождевых каплях. Но теперь у ворот... боги, у ворот творится что-то невообразимое.

Очередь.

Настоящая, живая, людская река, извивающаяся от кованых ворот до ворот соседнего дома. Люди стоят плотно, плечом к плечу, кутаясь в плащи от морящего дождя.

Я не вижу ни одной женщины, сплошь мужчины, прижимающие к себе драгоценные чемоданы с настойками и инструментами.

Встаю в конец очереди и слушаю, о чём говорят. Мне нужна информация. Любая. Параллельно обшариваю взглядом особняк, особое внимание задерживаюсь на окнах, но не вижу никого.

— Трое суток — это издевательство! — зло, сплёвывая сквозь зубы, говорит близко стоящий лекарь с пенсне на правом глазу.

— Ещё бы пока там королевские лекари никого не пустят. И чего я потратил последние деньги, работал бы в своём городке.

Сетует другой. Кто-то ему поддакивает, но никто не уходит. На меня никто внимания не обращает, мне и лучше.

Я замаскировалась, как смогла.

Платье из грубой шерсти, тёмно-коричневое, почти чёрное. Волосы цвета воронова крыла — хна и корень ореха сделали своё дело, скрыв прежний блонд. Лицо припудрено, возле губ нарисована мелкая морщинистая сеточка, дешёвый трюк, но работающий.

Мелисса была права: меня не узнает родная мать.

Я переминаюсь с ноги на ногу. Вдыхаю полной грудью, ощущая, как дождь смешивается с запахом мокрой земли, травы и цветов.

Не проходит и несколько минут, как меня окликает стражник.

— Эй, ты, новенькая, сюда иди.

Я подхожу ближе и вижу, что он достаёт из-за мокрого плаща листок бумаги.

— Кто такая? Обязан записать. Имя, род и откуда прибыла.

— Я целительница, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал хрипло и глубже, чем обычно. — Из посёлка Добрый. Приехала предложить свою помощь генералу. Зовут Ирма, рода нет, сирота.

Стражник, наконец, поднимает глаза. Скользит по моему лицу, по саквояжу, по дешёвому плащу. На его губах засмеивается усмешка.

— Тридцать седьмая. Иди в конец очереди и жди как все.

Я понимаю, почему ему смешно.

Во-первых, я женщина, а женщин априори не берут в лекари.

Первым делом, когда мы прибыли в этот посёлок, то я обратилась в местный госпиталь. Искала работу по «специальности». Звучит смешно, но я хотела пристроить свой дар к делу,

но... мне отказали, не стесняясь в формулировке, что я лишь женщина и мне не стать лекарем, даже с целительским даром. Пум-пум-п-у-у-у-м!

Во-вторых, целителей в этом мире считали шарлатанами. А само слово «дар» можно было сравнить со словом «синдром». Одним словом, что-то непонятное, что неизвестно как лечить и идентифицировать.

В аптеке, где я работала, никто не знал, что у меня есть дар, кроме миссис Бек. Аптека приносила неплохой доход на моих целебных мазях, и она оберегала меня, чтобы я не ушла к конкурентам. Даже вчера, когда я попросила два выходных, она без проблем меня отпустила. Уточнять не стала, что меня может не быть дольше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.